

БАЛЛАДА О СУРОВОЙ НЕЖНОСТИ

На Запад уходил стрелковый полк.
А рядом с ним, таким суровым,
Бежал мальчишка белобровый,
Немногим выше кирзовых сапог.

Он спрашивал солдат:
«Ты — папа мой?» —
Ручонками хватал за голенище,
Но с каждым разом безнадежней, тише
Звучало горькое: «Ты — папа мой!»

О, этот голос, хриплый и родной,
От частого повтора монотонный!
А под шинелью бились учащённей
Сердца, ожесточённые войной.

У каждого такой же сын иль брат...
С какой печалью их глаза глядели,
Какою нежностью ладони их гудели,
Но пальцы их впивались в автомат...

Я детство мог забыть, как сон,
Как небыль,
Но через годы на меня глядят
Глаза солдат, печальные, как небо,
И небо,
Как глаза солдат.

И страшно мне в глазах увидеть синих
Живую мысль, забитую войной,
И слышать голос маленького сына:
«Ты папа мой?
Ты папа мой...»

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Михаилу Алексееву

Быть может, ради озорства
Иль от избытка сил своих
Парнишка топором отцовским
Ствол груши старой подкосил.

И встал в невольном удивленье,
Когда отец, отняв топор,
Рассек грудь дерева, волнуясь,
И что-то ржавое извлек.

И было невдомек парнишке,
Зачем он, от слезы слепой,
То долго взвешивал осколок,
То примерял к своей груди.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ДЕРЕВНЕ

В деревне День Победы совпадает
С работами весенними на поле,
И потому дядь-Ваня в пять утра
Могучее семейство поднимает.

Еще кулик кричит за дальним прудом,
Но жаворонок в темно-синем небе,
Захлебываясь песней от восторга,
Как истинный поэт, природу славит.

Под эту песню ладные мужчины
Работают ритмично и добротню.
Под эту песню женщины готовят
Всё, что украсит доброе застолье.

Потом вода холодная остудит
Разгоряченное работой тело,
Потом семейство дружное окружит
Под сень листвы укрытые столы.

И дядя Ваня встанет. И осмотрит
Братьев, детей и внуков,
Улыбнется,
Поднимет свой бокал и погрустнеет,
Прогонит грусть
И выпьет за Победу.

А внуки ненароком задевают
Его пиджак на стуле. И медали
Так хорошо звенят...
А день к закату
Стремит свой шаг.
И веет тишиной.

РЯБИНА ПОБЕДЫ

Ренату Ибрагимову

Может, кого-то, и небеспричинно,
Насторожит, если я назову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.
Это сравненье сорвалось неволью,
Но не назвать я его не могу:
Красные ягоды — зрелости зерна,
Красная песня на синем снегу.

Красная краска — цвет памяти сердца!
Кровь и пожары смоленской земли
Так опалили суровое детство,
Что обесцветить года не смогли.
Как мы салюты Победы любили!
И называли мы — я не солгу! —
Красными гроздьями спелой рябины
Красные взрывы на белом снегу.

Но, не замкнувшись в виденьях суровых,
Мне понимать было сердцем дано:
Красная девица, красное слово,
Красная площадь — в значенье «красно».
Как понимаете, небеспричинно
С давнего детства теперь я зову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.

БАЛЛАДА О ГУДЕ

Я помню восторг тот мальчиший
и радость смоленской земли,
когда из-за сломанных вишен
«Т-34» вошли.

Задолго до их появления,
врагов повергая в дрожь,
гуденье,
гуденье,
гуденье
над лесом,
над полем неслошь.

Но если изменников подлых
карающий гуд убивал,
то он же расстрелянных в поле
в бессмертие поднимал.

И в памяти – книге закрытой –
мне с красной строки этот гуд...
Я слышу — идут с кимберлитом,
«БелАЗы» неспешно идут.

И в мерном гигантов гуденье
суровая та красота,
и то же во мне восхищенье,
и радость высокая та.

С карьера до цеха по кругу
машины упруго идут.
И нет мелодичней для слуха,
чем этот рабочий их гуд.

Так пусть чередою «БелАЗы»
плывут в бесконечности дней,
и будут в России алмазы
для счастья Отчизны моей.
И вот почему — завершенье!
И утром,
и днем,
и в ночи
Гуденье,
гуденье,
гуденье
мне музыкой нежной звучит.

НОЧЬ ВЕТЕРАНА

...И снова солдатским пилоткам
Лежать в покрасневшей пыли.
И снова вгрызаться в высоту —
Горбушку родимой земли.

И слышать,
Теперь виновато,
Предвидя исход этих дней,
Последнее слово комбата,
Последнюю шутку друзей.

И верить,
Усталость стирая
В тот день незабвенный со лба,
Что эта война мировая
Последней войною была...

* * *

Над головой моей звенит великий космос,
В руках моих лежит землёй рожденный колос,
Вокруг меня стоят столетние леса,
И вечность, словно друг, глядит в мои глаза.

У каждого судьбой его отмерен срок.
Прости, что долго жить я буду, стebelёк!
Но и тебе, сосна, завидовать не след,
Что правнукам моим смотреть ты будешь вслед!

Да, смертны все вокруг! Но дело рук моих:
Дороги и дома, и музыка, и стих
Бессмертны, как язык, бессмертны, как земля,
Когда вложил себя бескомпромиссно я.

* * *

Пусть быт забьет начальные слова,
Пусть слог ребенком по лесу блуждает,
Но музыка звучит — она жива! —
И сердце волнами переполняет.

И выждать срок. Хоть дело и не в нем,
Но срок немало для рождения значит —
Так нянчит каменщик свой новый дом,
Так женщина дитя под сердцем нянчит.

А уж какие выпадут пути,
Какая сердцу — горькая наука,
Чтоб звук явился Словом во плоти,
И Слово то не стало просто звуком,
Меня уже не спрашивай — прости! —
Где знак судьбы — что значит слово друга!

* * *

Я. Ухсаю

Ко мне приходит по утрам старик.
Он в кресло невысокое садится
И говорит.
И бледные зарницы
При слове каждом вспыхивают вмиг.

Он много видел на своем веку.
Ходил в беславье,
Как сейчас во славе,
Но даже горький голод не заставил
Менять на деньги честную строку.

И всё ж ему, как видно, повезло,
Когда познал он трудные утраты,
Поскольку требует жестокой платы
Святейшее его ремесло.

Он вспоминает жизнь свою, друзей,
И голос то улыбчивый, то жесткий,
И вот Васильев, Смеляков, Твардовский
Как бы живые в комнате моей.

Звонят стихи, мелькают имена,
Встает в необозримой перспективе
Без приукрас то в голоде, то в тифе,
То в радости строительской страна.

Какой упругой силою налит
Их юности неповторимый мускул...
Но грустная вневременная мудрость
В их голосах мальчишеских звенит.

Старик необычайно возбужден,
И я его волненьем заражаюсь,
И понимаю старикову старость,
Когда бывает в молодости он.

Но он желает молодость продлить.
А жизнь его друзей невозвратима,
И странно слышать, как неотвратимо
Трещит годов связующая нить.

Прости, старик!
Помочь бессилен я.
Законы увядания жестоки.
Но юный ствол разбудят марта соки
Неумолимостью законов бытия.

И юною листвою зазвенит
Иная песня незнакомой рощи...
А вот кому из нас грустится больше,
Пускай рассудит тот,
Кто не грустит.

1976

ТВОЁ ЛИЦО

Шел первый снег большой зимы.
Безудержно, с хмельным весельем.
Дома, как белые холмы,
Толпились в сумраке вечернем,

А юный месяц, как перо,
На темно-синей шапке неба,
А переделкинский перрон
Окутывала молча нега.

И это все, в конце концов,
Наверно, было б просто мило,
Когда бы не твое лицо,
Которое все осветило.

Как будто бы на много лет
Явилась ты сказать природе,
Что солнце — бледно,
Месяц — сед,
Когда лицо твое восходит.